

А. И. ДЕНИКИН

*ОЧЕРКИ РУССКОЙ СМУТЫ:
БОРЬБА ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д33

Серия «Эксклюзив: Русская классика»

Серийное оформление *А. Фереа, Е. Фerez*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Деникин, Антон Иванович.

Д33 Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова / Антон Иванович Деникин. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 576 с. — (Эксклюзив: Русская классика).

ISBN 978-5-17-187980-8

Во втором томе «Очерков русской смуты» бывший главнокомандующий Вооруженными силами Юга России Антон Иванович Деникин повествует о событиях, произошедших в стране с августа 1917 года по апрель 1918 года — о последних днях диктатуры Керенского и Октябрьском перевороте, о созыве и разгоне Учредительного собрания, о Брестском мире и начале Гражданской войны.

Но в фокусе внимания автора находится один конкретный человек — герой Русско-японской и Первой мировой войн, ярый патриот своей страны — генерал Лавр Георгиевич Корнилов. Из этой книги мы узнаем об аресте и Быховском сидении, о формировании Добровольческой армии и Ледяном походе, о штурме Екатеринодара и трагической гибели генерала.

**УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

31 марта 1918 года русская граната, направленная рукой русского человека, сразила великого русского патриота. Труп его сожгли и прах рассеяли по ветру.

За что? За то ли, что в дни великих потрясений, когда недавние рабы склонялись перед новыми владыками, он сказал им гордо и смело: «Уйдите, вы губите русскую землю»?

За то ли, что, не щадя жизни, с горстью войск, ему преданных, он начал борьбу против стихийного безумия, охватившего страну, и пал поверженный, но не изменивший долгу перед Родиной?

За то ли, что крепко и мучительно любил он народ, его предавший, его распявший?

Пройдут года, и к высокому берегу Кубани потекут тысячи людей поклониться праху мученика и творца идеи возрождения России. Придут и его палачи.

И палачам он простит.

Но одним не простит никогда.

Когда Верховный главнокомандующий томился в Быховской тюрьме в ожидании шемякина суда,

один из разрушителей русской храмины сказал: «Корнилов должен быть казнен; но когда это случится, приду на могилу, принесу цветы и преклоню колена перед русским патриотом».

Проклятье им — прелюбодеям слова и мысли! Прочь их цветы! Они оскверняют святую могилу.

Я обращаюсь к тем, кто и при жизни Корнилова, и после смерти его отдавали ему цветы своей души и сердца, кто некогда доверил ему свою судьбу и жизнь.

Средь страшных бурь и боев кровавых останемся верными его заветам. Ему же — вечная память!

*Речь, произнесенная автором
в Екатеринодаре в 1919 году.
Брюссель, 1922 год*

Глава I

Расхождение путей революции. Неизбежность переворота

Широкое обобщение слагаемых сил революции в две равнодействующие — Временное правительство и Совет — допустимо в известной степени лишь в отношении первых месяцев революции. В дальнейшем течении ее происходит резкое расслоение в среде правящих и руководящих кругов, и месяцы июль и август дают уже картину многосторонней междоусобной борьбы. Наверху эта борьба идет еще в довольно отчетливых границах, разделяющих борющиеся стороны, но отражение ее в массах являет образ полного смешения понятий, неустойчивости политических взглядов и хаоса в мыслях, чувствах и движениях. Иногда только, в дни серьезных потрясений, происходит вновь дифференциация, и вокруг двух борющихся сторон собираются самые разнородные и зачастую политически и социально враждебные друг другу элементы. Так было 3 июля (восстание большевиков) и 27 августа (выступление Корнилова). Но тотчас же по миновании острого кризиса

внешнее единение, вызванное тактическими соображениями, распадается, и пути вождей революции расходятся.

Резкие грани прошли между тремя главенствующими учреждениями: Временным правительством, Советом (Центральный исполнительный комитет) и Верховным командованием.

В результате длительного правительственного кризиса, вызванного событиями 3—5 июля, разгромом на фронте и непримиримой позицией, занятой либеральной демократией, в частности кадетской партией, в вопросе об образовании власти¹, Совет вынужден был освободить формально министров-социалистов от ответственности перед собою и предоставить право Керенскому единолично формировать правительство. Объединенные центральные комитеты постановлением от 24 июля обусловили поддержку со стороны советов правительству соблюдением им программы 8 июля и оставляли за собою право отзывать министров-социалистов в случае уклонения их деятельности от намеченных программой демократических задач. Но тем не менее факт известной эмансипации правительства от влияния советов, как результат растерянности и ослабления руководящих органов революционной демократии в июльские дни, не подлежит сомнению. Тем более что в состав 3-го правительства вошли социалисты или маловлиятельные, или, как

¹ К. д-ты требовали создания власти, покоящейся «на общенациональной почве» и представленной лицами, «не ответственными ни перед какими организациями и комитетами».

Авксентьев (министр внутренних дел), Чернов (министр земледелия), Скобелев (министр труда), несведущие в делах своего ведомства. Ф. Кокошкин в московском комитете партии к.-д. говорил: «За месяц нашей работы в правительстве совершенно не было заметно влияние на него Совдепа... Ни разу не упоминалось о решениях Совдепа, постановления правительства не применялись к ним». И внешне взаимоотношения изменились: министр-председатель не то избегал, не то игнорировал Совет и Центральный комитет, не появляясь на их заседаниях и не давая им, как раньше, отчета¹.

Но борьба — глухая, напряженная — продолжалась, имея ближайшими поводами расхождение правительства и центральных органов революционной демократии в вопросах о начавшемся преследовании большевиков, репрессиях в армии, организации административной власти и т. д.

Верховное командование занимало отрицательную позицию как в отношении Совета, так и правительства. Как постепенно назревали такие отношения, говорилось в 1 томе. Оставляя в стороне детали и поводы, обострявшие их, остановимся на основной причине: генерал Корнилов стремился явно вернуть власть в армии военным вождям и ввести на территории всей страны такие военно-судебные репрессии, которые острием своим в значительной степени были направлены против советов и особенно их левого сектора. Поэтому, не говоря уже о глубоком политическом расхождении, борьба советов против Корнилова являлась вместе

¹ Был один раз за 1 1/2 месяца.

с тем борьбой их за самосохранение. Тем более что давно уже в руководящих органах революционной демократии капитальнейший вопрос обороны страны потерял свое самодовлеющее значение и, по свидетельству Станкевича, если иногда и выдвигался в Исполнительном комитете на первый план, «то только как средство для сведения других политических счетов». Совет и Исполнительный комитет требовали поэтому от правительства смены Верховного главнокомандующего и разрушения «контрреволюционного гнезда», каким в их глазах представлялась Ставка.

Керенский, фактически сосредоточивший в своих руках правительственную власть, очутился в особенно трудном положении: он не мог не понимать, что только меры сурового принуждения, предложенные Корниловым, могли еще, быть может, спасти армию, освободить окончательно власть от советской зависимости и установить внутренний порядок в стране. Несомненно, освобождение от советов, произведенное чужими руками или свершившееся в результате событий стихийных, снимавших ответственность с Временного правительства и Керенского, представлялось ему государственно-полезным и желательным. Но добровольное принятие предуказанных командованием мер вызвало бы полный разрыв с революционной демократией, которая дала Керенскому имя, положение и власть и которая, невзирая на оказываемое ею противодействие, все же, как это ни странно, служила ему хоть и шаткой, но *единственной* опорой. С другой стороны, восстановление власти воен-

ного командования угрожало не реакцией — об этом Керенский часто говорил, хотя вряд ли серьезно в это верил, — но, во всяком случае, перемещением центра влияния от социалистической к либеральной демократии, крушением социал-революционной партийной политики и утратой преобладающего, быть может, и всякого, влияния его на ход событий. К этому присоединилась и личная антипатия между Керенским и генералом Корниловым, из которых каждый не стеснялся высказывать подчас в весьма резкой форме свое отрицательное отношение один к другому и ожидал встретить не только противодействие, но и прямое покушение с противной стороны. Так, генерал Корнилов опасался ехать к 10 августа в Петроград на заседание Временного правительства, ожидая почему-то смещения с поста и даже личного задержания... И, когда все же по совету Савинкова и Филоненко он поехал, его сопровождал отряд текинцев, которые поставили пулеметы у входов в Зимний дворец во время пребывания там Верховного главнокомандующего. В свою очередь, Керенский еще 13—14 августа в Москве в дни государственного совещания ожидал активного выступления со стороны приверженцев Корнилова и принимал меры предосторожности. Несколько раз Керенский возбуждал вопрос об удалении Корнилова, но, не встречая сочувствия этому решению ни в военном министерстве, ни в среде самого правительства, с тревогой ждал развития событий. Еще 7 августа помощник комиссара при Верховном главнокомандующем предупредил Корнилова, что вопрос о его

отставке решен в Петрограде окончательно. Корнилов ответил: «Лично меня вопрос о пребывании на посту мало занимает, но я прошу довести до сведения кого следует, что такая мера вряд ли будет полезна в интересах дела, так как может вызвать в армии волнения».

Раскол не ограничивался вершинами власти: он шел глубже и шире, поражая бессилием ее органы.

Временное правительство представляло механическое соединение трех групп, не связанных между собой ни общностью задач и целей, ни единством тактики: министры-социалисты¹, либеральные министры² и отдельно — триумvirат в составе Керенского (с.-р.), Некрасова (р.-д.) и Терещенко (бесп.). Если часть представителей первой группы находила зачастую общий язык и одинаковое государственное понимание с либеральными министрами, то Авксентьева, Чернова и Скобелева, сосредоточивших в своих руках все важнейшие ведомства, отделяла от них пропасть. Впрочем, значение обеих групп было довольно ничтожно, так как триумvirат «самостоятельно решал все важнейшие вопросы вне правительства, и иногда даже решения их не докладывались последнему»³. Протесты министров против такого порядка управления, представлявшего совершенно неприкрытую диктатуру, оставались тщетными. В частности, свое

¹ Авксентьев (с.-р.), Скобелев (с.-д.), Пешехонов (н.-с.), Чернов (с.-р.), Зарудный (с.-р.), Прокопович (с.-д.), Никитин (с.-д.).

² Ольденбург, Юренев, Кокошкин, Карташов (к. д-ты), Ефремов (р.-д.).

³ Доклад Ф. Кокошкина 31 августа.

расхождение с Корниловым и вопрос о предложенных им почти ультимативно мероприятиях Керенский старался всемерно изъять из обсуждения правительства.

Несколько в стороне от этих трех групп, вызывая к себе сочувствие либеральной, оппозицию социалистической и плохо скрытое раздражение триумvirата, стояло военное министерство Савинкова¹. Савинков порвал с партией и с советами. Он поддерживал резко и решительно мероприятия Корнилова, оказывая непрестанное и сильное давление на Керенского, которое, быть может, увенчалось бы успехом, если бы вопрос касался только идеологии нового курса, а не угрожал Керенскому перспективой самоупрезрения... Вместе с тем Савинков не шел до конца и с Корниловым, не только облекая его простые и суровые положения в условные внешние формы «завоеваний революции», но и отстаивая широкие права военно-революционных учреждений — комиссаров и комитетов. Хотя он и признавал чужеродность этих органов в военной среде и недопустимость их в условиях нормальной организации, но... по-видимому, надеялся, что после прихода к власти комиссарами можно было назначать людей «верных», а комитеты — взять в руки. А в то же время бытие этих органов служило известной страховкой против командного состава, без помощи которого Савинков не мог достигнуть цели, но в лояльность которого в отношении себя он плохо верил. Характер «содру-

¹ Управляющий — Савинков, начальник политического отделения — Степун, комиссар при Ставке — Филоненко.

жества» и сотрудничества генерала Корнилова и Савинкова определяется тем небезынтересным фактом, что приближенные Корнилова считали необходимым во время приездов Савинкова в Ставку и в особенности во время их бесед с глазу на глаз принимать некоторые меры предосторожности... Так было не только в конце августа в Могилеве, но и в начале июля в Каменец-Подольске.

Савинков мог идти с Керенским против Корнилова и с Корниловым против Керенского, холодно взвешивая соотношение сил и степень соответствия их той цели, которую он преследовал. Он называл эту цель — спасением Родины; другие считали ее личным стремлением его к власти. Последнего мнения придерживались и Корнилов, и Керенский.

Раскол созрел и в руководящих органах революционной демократии. Центральный исполнительный комитет советов все более и более расходился с Петроградским советом как по вопросам принципиальным, в особенности о конструкции верховной власти, так и вследствие претензии обоих на роль высшего представительства демократии. Более умеренный Центральный комитет не мог уже состязаться пленительными для масс лозунгами с Петроградским советом, неудержимо шедшим к большевизму. В среде самого совета по основным политическим вопросам все чаще обозначалась прочная коалиция меньшевиков-интернационалистов, левых социал-революционеров и большевиков. Если обострялись сильно грани между двумя основными подразделениями социал-демократии,

то еще резче проявилось разложение другой главенствующей партии — социал-революционеров, из которой после июльских дней, не порывая еще окончательно формальной связи со старой партией, выделилось левое крыло ее, наиболее яркой представительницей которого была Спиридонова. В течение августа левые с.-ры., возросши численно в советской фракции чуть ли не до половины ее состава, становятся в резкую оппозицию и к партии, и к кругам, единомышленным с Центральным исполнительным комитетом, требуя полного разрыва с правительством, отмены исключительных законов, немедленной социализации земли и сепаратного перемирия с центральными державами.

В такой нервной, напряженной атмосфере протекали весь июль и август месяцы. Трудно учесть и разграничить зависимость двух аналогичных явлений полного разброда — среди правящих и руководящих верхов, с одной стороны, и народной массы — с другой: был ли разброд наверху прямым отражением того состояния брожения страны, в котором еще не могло определиться конечных целей, стремлений и воли народной, или наоборот — болезнь верхов поддерживала и углубляла процесс брожения. В результате, однако, не только не появлялось ни малейших признаков оздоровления, а наоборот, все стороны народной жизни быстро и неизменно шли к полному расстройству.

Участились и внешние проявления этого расстройства, в особенности в области обороны страны. 20 августа разразилась рижская катастрофа, и германцы явно начали готовиться к большой

десантной операции, угрожавшей Ревелю и Петрограду. В то время когда производительность военной промышленности падала в угрожающих размерах (снарядное производство — на 60 %), 14 августа происходит вызванный, несомненно, злонамеренно грандиозный взрыв пороховых заводов и артиллерийских складов в Казани, которым уничтожено было до миллиона снарядов и до 12 тысяч пулеметов. Во второй половине августа назревала всеобщая железнодорожная забастовка, угрожавшая параличом нашему транспорту, голодом на фронте и всеми сопряженными с этим явлением роковыми последствиями. В армии участились случаи самосудов и неповиновения. То словоблудие, которое текло непрерывно из Петрограда и там отравляло и опьяняло мысль и совесть верхов революционной демократии, на широкой арене народной жизни обращалось в прямое действие. Целые области, губернии, города порывали административную связь с центром, обращая русское государство в ряд самодовлеющих и самоуправляющихся территорий, связанных с центром почти исключительно... неимоверно возросшей потребностью в государственных денежных знаках. В этих «новообразованиях» постепенно пропадал вызванный первым подъемом революции интерес к политическим вопросам и разгоралась социальная борьба, принимая все более сумбурные, жестокие, негосударственные формы.

А на фоне этой разрухи надвигалось новое потрясение — вновь и явно подготавливавшееся восстание большевиков. Оно было приурочено к кон-

цу августа. Если тогда могли возникать сомнения и колебания в оценке положения и грозящей опасности, в выборе «равнодействующей» и в томительных поисках жизнеспособной коалиции, то теперь, когда август 1917 года — уже далекое прошлое, сделавшееся достоянием истории, не может быть никаких сомнений, по крайней мере, в одном: что только власть, одухотворенная решимостью беспощадной борьбы с большевизмом, могла спасти страну, почти обреченную.

Этого не мог сделать Совет, органически связанный со своим левым крылом. Не мог и не хотел, «не допуская борьбы с целым политическим течением» и лицемерно требуя от правительства прекращения «незаконных арестов и преследования», применяемых к «представителям крайних течений социалистических партий»¹.

Этого не мог и не хотел сделать и Керенский — товарищ председателя Совета, грозивший некогда большевикам «железом и кровью». Даже 24 октября, то есть накануне решительного большевистского выступления, признав наконец «действия русской политической партии (большевиков) предательством и изменой Российскому государству», Керенский, говоря о захвате власти в петроградском гарнизоне военно-революционным комитетом, поясняет: «Но и здесь военная власть *по моему указанию*, хотя и было наличие всех данных для того, чтобы приступить к решительным и энергичным мерам, считала надобным дать сначала людям

¹ Резолюции 24 июля и 20 августа.